

*Воспоминания участников
Кавказской войны XIX века*

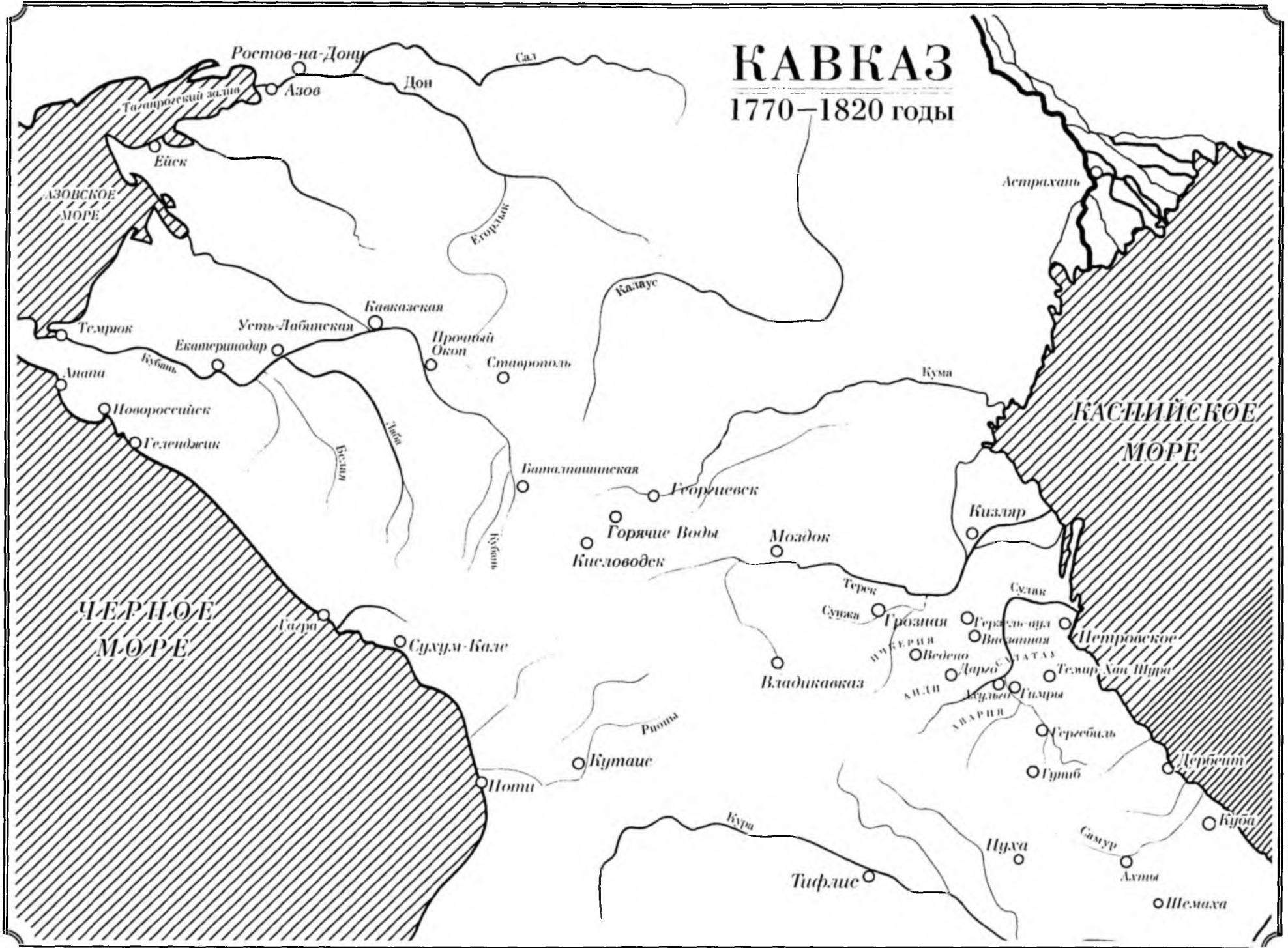

Кавказская
война:
истоки
и начало

1770–1820 годы

КАВКАЗ

1770—1820 годы

*Воспоминания участников
Кавказской войны XIX века*

Кавказская
война:
истоки
и начало

1770–1820 годы

Издательство журнала «Звезда»
Санкт-Петербург 2002

Многотомное издание «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века» осуществляется при поддержке правительства республики Швейцария, Института «Открытое общество» (фонд Сороса), Генерального директора ОАО «Ленэнерго» А. Н. Лихачева.

Издательство и составители приносят благодарность за содействие в подготовке тома директору Российского Государственного Военно-исторического архива И. О. Гаркуше, а также заведующей читальным залом Т. Ю. Бурмистровой и сотруднику архива Д. П. Шергину.

Издательство и составители приносят искреннюю благодарность за научную консультацию Г. Г. Лисицыной.

ISBN 5-94214-036-7

- © ООО «Издательство журнала «Звезда», состав., 2002
- © Я. А. Гордин, составление, вступ. статья, 2002
- © Б. П. Миловидов, составление, подготовка текстов, комментарии, указатель, 2002
- © В. А. Гусаков, худож. оформление, 2002

МЕМУАРЫ ГРАФА ДЕ РОШЕШУАРА, АДЬЮТАНТА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

(Революция, Реставрация, Империя)

<...>Мы вышли из Анапы вечером. Ришелье расстался с нами в версте от города; он направился по дороге в Тамань, а мы повернули вправо и углубились внутрь страны. Стоял конец июня, удушливая жара позволяла идти только ночью: нашими проводниками в этой незнакомой местности, поросшей непроходимыми чащами, были черкесские князья, враждовавшие с теми, кого мы собирались наказать, мурзы, знатные татары и, главным образом, доблестный Газлам-Гхераи.

Перед восходом солнца мы остановились в прелестной долине, орошаемой рекой Атакум, чтобы предоставить отдых пехоте. Генерал принял все предосторожности, хотя казаки-разведчики не обнаружили присутствия неприятеля: он воевал уже несколько лет на Кавказе и знал из опыта, как пользуется воинственное население гор малейшей неосторожностью для нападения врасплох на беспечные отряды, оканчивающегося их полным уничтожением. Были установлены конные разъезды и аванпосты, пока пехота варила себе обед и пользовалась четырехчасовым отдыхом.

Старый черкес, Пек-мурза <...> сказал нам: «Мы в недалеком расстоянии от жилища Шеффи-Бея, предводителя отряда, совершившего набег на казаков, похитившего их жен и угнавшего скот; долина, где мы расположились, принадлежит ему; его аул следует разграбить». Генерал приказал мне захватить пятьдесят казаков и столько же стрелков, чтобы разорить указанный аул. «Будьте осторожны, не двигайте сразу всех людей, пошлите казаков-разведчиков осмотреть селение, убедиться в присутствии или отсутствии жителей. Остерегайтесь засад, держите всегда в запасе сильный резерв, в особенности не относитесь легкомысленно к врагу, если он решится оказать сопротивление. Предупреждаю вас, что молодцы эти неустрашимы и чрезвычайно опытны в искусстве ведения войны; сту-

пайте, Бог вам на помощь! У меня будет наготове отряд, чтобы вас выручить, в случае, если там окажется слишком много черкесов». Генерал знал, что мне впервые предстояло иметь дело с неприятелем и кавказский способ войны мне незнаком; принятая на себя ответственность вменила мне в обязанность ни в чем не уклоняться от его мудрых наставлений.

Наш проводник по выходе из лагеря повел нас по тропинке влево; скоро мы очутились в густой чаще, однако, затем разредевшейся к нашему счастью и превратившейся в высокоствольный лес, позволявший видеть, что происходило вокруг. Три казака двигались впереди вместе с проводником; еще четыре следовали за ними на расстоянии пистолетного выстрела, шесть казаков с каждой стороны прикрывали фланги колонны, остальные находились около меня; я расставил шесть стрелков между колонной и фланговыми казаками. Так прошли мы версты две и наконец увидели первые строения аула. Семь казаков авангарда проникли в селение с пиками наперевес, но, будучи людьми осторожными, несмотря на нетерпение предаться грабежу, не сошли с лошадей, не уверившись, покинуты ли дома жителями, или нет; и благо им, потому что не успели они поравняться с первой саклей, как раздался выстрел. Юноша соскочил с плоской кровли, испутив пронзительный крик, долго звучавший у меня в ушах: «Это тревожный крик, — предупредил меня проводник, — Будьте осторожны». Я сейчас же отделил половину своего маленького отряда в застрельщики. Едва было закончено построение, как завязалась горячая перестрелка между моими стрелками и людьми тридцатью черкесов, гораздо более искусных, чем мои солдаты. Я приказал половине казаков спешиться и передать лошадей двум или трем из товарищей, остававшимся в центре.

Местность была для нас неблагоприятная, в одну минуту у нас оказалось четверо раненых; неприятель под прикрытием деревьев мог спокойно прицеливаться. Я спросил у проводника, не более ли открыта другая сторона аула? Он ответил, что шагах в ста впереди находится безлесая долина. Я приказал прекратить стрельбу, выслал вперед унтер-офицера с пятнадцатью стрелками беглым шагом для занятия поляны и последовал за ним с остальной частью своего отряда. Такой маневр не мог совершиться без новых потерь; был убит мой самый храбрый сержант, и шесть стрелков и казаков ранены муллой

в зеленой чалме; его сын заряжал ружье, пока он стрелял из другого; бедняга сержант был сражен пулей в сердце в ту минуту, когда хотел броситься на проклятого муллу; за его смерть не замедлило последовать отомщение. Воспользовавшись мгновением, пока мулла менял ружья, на него устремился казак и пронзил ему тело пикой. Увидав, что бешеный мулла убит, его спутники обратились в бегство. Я вышел из лесу, энергично преследуя последних нападавших, до поляны, где я очутился в большей безопасности; вскоре они исчезли окончательно. Боясь, как бы не совершить нового промаха, я остановился, по-прежнему под прикрытием застрельщиков: выслал двадцать казаков обыскать аул, захватить что можно и поджечь сакли. Когда был разложен огонь, изнутри сакли послышались крики, указывавшие на присутствие там женщин. Я приказал подать им помощь. Тридцать голов рогатого скота, шесть лошадей, полтораста баранов, много ячменя, восемь женщин, пять грудных младенцев, трое больших мужчин (и среди них брат главы аула) достались нам в виде трофеев. Стрелки и казаки разделили между собой захваченное платье и оружие; я взял на свою долю кинжал, найденный за поясом ужасного муллы.

Обратив аул в пепел, я собрал добычу и двинулся в обратный путь, торопясь выбраться из леса, где небольшие силы легко могли отрезать нам отступление. Раненые были в состоянии идти пешком; тело сержанта положили на носилки, наскоро сплетенные из ветвей. Генерал, услышав горячую перестрелку, выслал мне в подкрепление роту солдат, доктора и повозку для раненых и пленных, стеснявших движение. Солдаты пожелали нести носилки, где покоилось тело сержанта: несмотря на усталость, они захотели отдать ему эту последнюю честь.

По возвращении генерал поздравил меня с полным успехом предприятия. Три пленника, в том числе брат Шеффир-Бея, предоставляли нам возможность произвести выгодный обмен с черкесами. Что касается пленниц, я ожидал увидеть красавиц-черкешенок; но меня постигло полное разочарование! Все были старые и некрасивые. Одна из них рассказала, что она казачка, похищенная несколько месяцев тому назад; ввиду ее беременности у нее спросили, кто же тому причиной? «Бог знает, — отвечала она, — их было так много, что я не знаю, кто отец ребенка!»

Мы выступили из лагеря около полуночи, чтобы опустошить владения Кхалабат-Оглы, убийцы отца нашего друга Газлама, главного зачинщика последнего набега на казаков и их жестокого врага. Следовало его наказать примерным образом, чтобы надолго лишить возможности нападать и грабить.

Полное отсутствие дорог делало продвижение очень утомительным: приходилось расчищать себе путь среди густых лесных чащ и зарослей и строить мосты через каждую речку или поток для переправы артиллерии. Наконец, в девять часов утра показалось жилище вождя. Некоторые приготовления к защите доказывали, что он был предупрежден; ему не удалось их закончить. Казаки устремились на главный аул, даже не ожидая приказа генерала, и сразу зажгли его в нескольких местах. Все население спаслось бегством в соседние леса, не успев ничего с собой захватить; нам в добычу досталось большое количество лошадей, рогатого скота, баранов; все было покопчено раньше, чем мы успели осмотреться и принять меры предосторожности для обеспечения своей безопасности. Пехота, изнемогавшая от усталости, улеглась без горячей пищи. Положение оказалось отвратительным: перед нами крутая гора; с обеих сторон непроходимые леса; наконец, сзади узкий проход, по которому мы пришли, — единственный выход из ужасной западни.

Воспользовавшись бездействием черкесов, застигнутых врасплох нашим нападением, генерал Гангеблов построил войска четырьмя каре, расположенными в виде четырехугольника. Два каре передней линии выдвинулись по возможности дальше в узкий проход, наш единственный путь отступления. Генерал поместился в центре с резервом пехоты, фургонами, артиллерией и двумя сотнями казаков; остальная конница была выслана в проход, чтобы обеспечить свободный путь. Когда все построения были выполнены, генерал приказал лечь двум рядам с каждой стороны каре, а третий ряд остался на ногах, чтобы сторожить и не дать себя захватить врасплох. После четырехчасового отдыха и горячего обеда генерал решил покинуть эту опасную позицию и провести остаток дня в местности, более благоприятной. При первом же движении мы подверглись нападению со всех сторон; к счастью, путь отступления оставался свободным. Полчища всадников в же-

лезных бронях вынеслись из непроходимых лесов; пешему европейцу не удалось бы пробраться сквозь эти чащи без помощи топора. В одну минуту нас окружило шесть тысяч всадников, вооруженных ружьями, саблями, пистолетами, пиками и даже луками, стрелявшими остроконечными стрелами, причинявшими тяжелые поражения. Нас ждала гибель: если бы генерал заранее не построил войска в каре, при нападении столь яростном и внезапном, ни одному из нас не удалось бы спастись. Застрельщики поспешно отступили к каре, легли, чтобы дружным залпом двух рядов встретить первый натиск нападающих. Генерал, находящийся в центре, приказал зарядить картечью пушки, из которых можно было стрелять, не рискуя ранить своих людей; картечь произвела ужасное действие на полчища конницы: около двухсот человек легли на месте; оставшиеся в живых устремились в атаку с новой яростью; тщетно самые отважные храбрецы пытались прорвать наши ряды; об европейскую тактику и хладнокровие солдат усилия их разбивались бесплодно. Они старались проникнуть сквозь интервалы до наших пушек, артиллеристы падали около своих орудий, сраженные пистолетными выстрелами и даже сабельными ударами. Генерал приказал трем стрелковым ротам встретить штыками неустрашимых наездников и заставить их отступить; я принял участие в этой атаке, при чем подо мной была убита лошадь, но я сам не получил ни малейшей царапины.

Наш меткий огонь и штыковая атака рассеяли полчища всадников и дали нам возможность продолжать отступление, сражаясь на протяжении двух с лишком верст. Наконец на склоне дня мы добрались до своего прежнего лагеря. Положение было превосходное, мы могли удобно развернуться; несколько залпов повзводно, десяток пушечных выстрелов освободили нас совершенно от присутствия неприятеля. Генерал, уверенный, что ночь пройдет спокойно, потому что турки и черкесы бьются только днем, принял однако все предосторожности, чтобы оградить себя от неожиданного нападения. Он воспользовался отдыхом, чтобы привести в известность наши потери; оказалось двадцать один человек убитых, в том числе два офицера и четыре унтер-офицера, сорок человек раненых и двенадцать лошадей, выбывших из строя. Потери черкесов, вероятно, были значительны: наши солдаты

обобрали более трехсот трупов, богато одетых и вооруженных. Я так долго останавливаюсь на подробностях этой экспедиции, чтобы дать понятие, как велась в то время война на Кавказе.

На следующий день мы продолжали свой путь в другом направлении. Генерал потребовал, чтобы проводники заранее предупреждали о характере местности, где пролегал наш путь, боясь очутиться снова в таком же опасном положении, как вчера. Предав огню еще несколько аулов, захватив большое количество лошадей, рогатого скота, баранов, мы снова перешли через Кубань и вступили в пределы России, через неделю после выступления из Анапы. <...>

Месяц спустя я был произведен в поручики, оставаясь по-прежнему в свите новороссийского генерал-губернатора, прикомандированным к его особе в качестве адъютанта. По представлению герцога Ришелье генерал Ганглеблов был награжден Георгием 3-й степени.

По возвращении в Одессу я вступил в исполнение своих служебных обязанностей при герцоге Ришелье. Племянник генерала Коблея, коменданта города Одессы, по фамилии Стемпковский, заменил Альбрехта, убитого под Измаилом. Мы следующим образом поделили работу: старший адъютант, капитан, знаток канцелярского дела, разбирал рапорты войсковых частей, находившихся под командой генерал-губернатора. Я, младший адъютант, заведывал домом, частными делами герцога, расходами, конюшней, перепиской на французском языке, работами по украшению города Одессы: устройством бульваров и садов, тротуаров, собрания. Затем следовал Стемпковский, без определенных обязанностей. Это был прекрасный товарищ. <...>

<...> Постоянные набеги, совершаемые черкесами, требовали быстрого усмирения. В Петербурге был решен серьезный поход для примерного наказания зачинщиков непрерывных грабежей. Несмотря на большое желание, мне не пришлось в нем участвовать.

Мой брат уже несколько месяцев руководил возведением редутов для укрепления границы на берегах Кубани. Он играл видную роль в этой экспедиции. Генерал Ропдзевич, главнокомандующий, поручил ему произвести ложную атаку. Он должен был первым перейти Кубань и привлечь внимание и силы

черкесов, тем временем как генерал, подоспев с другой стороны, должен был захватить неприятеля между двух огней. Отряд, вверенный Людовику, состоял из четырех стрелковых рот целого казачьего полка, шестисот лошадей и батареи горных гаубиц.

Брат переправился через Кубань в темную ночь. Совершив пятичасовой переход, он напал на аул эмира Ахмета, главного зачинщика всех нападений на владения казаков. В одну минуту все селение сделалось добычей пламени; только крики убиваемых женщин, да плач детей, испуганных пожаром, отвечали на громкое “ура” казаков. Все мужчины под начальством своего вождя совершали новый набег на казачьи селения, к своему несчастью как раз в том месте, где генерал Рондзевича предполагал вступить в Черкесию. Вместо нескольких казаков они наткнулись на целый корпус и понесли большие потери.

Брат, убедившись в отсутствии мужчин в ауле, захотел прекратить убийства женщин, советуя набрать по возможности большее количество пленниц. Казаки, опьяненные кровью, не слушались; ему пришлось преградить им дорогу при помощи более дисциплинированных саперных солдат. Около горевшего дома брат увидел молодую девушку замечательной красоты: на ее грудь было направлено три штыка; плетью, родом кнута, из ремней, толщиной в палец на короткой рукоятке, он разогнал убийц. Девушка, уже раненная, видя в брате спасителя, бросилась ему на шею, чтобы избавиться от верной смерти. Наконец брату удалось заставить себе повиноваться; он собрал свой отряд, подсчитал пленниц — сорок человек женщин и детей — и приказал отступать, оставив на месте шестьдесят трупов. Молодая девушка, преисполненная благодарности к спасителю своей жизни, с радостью подчинилась обычной судьбе пленниц в этой стране, где они становятся рабынями победителей. Аббаса поселилась в палатке своего господина и повелителя, не только не ропща на свою участь, но видимо радуясь ей, потому что страстно полюбила своего избавителя. За блестящее поведение брат получил чин майора при штабе.

Поход генерала Рондзевича увенчался полным успехом: было захвачено большое количество мужчин, женщин, детей, скота и хлеба. Благодаря такому наказанию, черкесы присмирели на несколько лет. Они стали просить мира, приняли все предложенные условия и получили разрешение выкупить или

обменять забранных у них пленниц. Эмир-Ахмет предложил в обмен за свою дочь несколько кобылиц; атаман уговорил генерал-губернатора принять выгодное предложение; герцог Ришелье, обладавший широкими полномочиями, подписал мир. Брата уведомили о желаниии Ахмета, он отвечал, что не станет делать препятствий, отказался от выкупа, но заявил, что не в его власти вернуть прекрасную пленницу в том виде, как она ему досталась, она носила под сердцем очевидный залог близости с ним. Отца предупредили о таком приключении, извиняясь превратностями войны, незнанием высокого происхождения пленницы и т. д. «Она беременна, — сказал эмир Ахмет, — тем лучше, я продам сразу корову и теленка!» Трогательная отцовская заботливость! После того состоялась требуемая передача. Бедная Аббаса пришла в сильное отчаяние, когда настал час разлуки с тем, кто спас ей жизнь, был ее первой любовью, и ей пришлось вернуться к отцу, несколько не тронутому ее слезами: он только высчитывал, сколько получит взамен кобыл и мешков соли, по условиям оценки скрещенния пород. <...>

<...> Выступив из Суджук-Кале за два часа до рассвета, мы пришли к полудню в прекрасную долину, хорошо возделанную, окружавшую большое селение. Пока пехота обедала и отдыхала, Газлам отправился с казаками на разведку неприятеля. Вернувшись, он взволнованно подъехал к Ришелье и сказал ему: «Я возмущен предательством князей, заманивших нас сюда, в особенности, доводами, какими они постарались меня ослепить, чтобы вовлечь вас в это предприятие. Негодяи будут жестоко наказаны, клянусь в этом, или я сам останусь на месте! Я хочу отомстить и доказать, что я не способен на измену! Вожди, нам указанные, действительно здесь, но в сопровождении по крайней мере десяти тысяч вооруженных воинов, скрывающихся в лесах. Судя по замеченным мною приготовлениям, скоро последует нападение; постарайтесь занять ущелье, замыкающее долину, раньше чем им завладели черкесы». Герцог Ришелье уверил Газлама, что не сомневался ни в его верности, ни в его преданности, и отдал приказ двинуться вперед. Газлам, с разгоревшимися глазами, сбросил серый башмак на руки сопровождавшего его всадника и появился весь закованный в железо, обнажил саблю, повешенную на кисть руки на богато вышитом темляке, натянул лук, взял стрелу из колчана и ринулся вперед во главе двух казачьих полков, по-

лучивших приказ занять ущелье. Он был великолепен. Два батальона 22-го стрелкового полка и четыре орудия следовали за казаками беглым шагом; они достигли цели беспрепятственно, но едва двинулся центр отряда, стремясь по возможности уменьшить промежуток, как раздавшиеся со всех сторон пронзительные крики послужили сигналом общей атаки. Несколько залпов картечью не остановили неустрашимых воинов; пришлось отбивать их нападение штыками; началась ужасная рукопашная борьба, окончившаяся страшной резней.

В пылу битвы черкесы не заметили, что оказались между двух огней, авангарда и центра. Чтобы завершить поражение, Газлам-Гхераи, овладев входом в ущелье, повернул свои казачьи полки; один впереди строя, он воодушевлял их голосом и движениями и направился с ними к опушке леса, чтобы отрезать врагу всякое отступление, как вдруг пуля ранила его в поясницу. Он подозвал своего друга, Султана-Али. «Поддержи меня, чтобы врагам не насладиться радостью при виде, что Газлам упал». В эту минуту вторая пуля раздробила ему челюсть. Черкесы устремились вперед, чтобы его подобрать, но казаки, боготворившие его, не допустили их овладеть телом. Полная победа осталась за нами, черкесы оставили до двух тысяч трупов на поле сражения. Казаки рассыпались повсюду, подожгли аул, сгоняли стада, обезумевшие от залпов и от пожара. Засада, устроенная для нас, дорого обошлась зачинщикам! Я слышал, что двадцать лет спустя черкесы вспоминали еще об этом деле, где потеряли самых славных вождей своих. С нашей стороны урон, за исключением Газлама, был незначительный.

Газлам, умирая, с угасшими глазами, поручил жену и детей заботам Ришелье, склонившемуся над ним. Эскорт, состоявший из всех его друзей, проводил его смертные останки до селения в Крыму, где он жил. По приказу губернатора, ему были отданы почести, следуемые полковнику, каковой чин был ему пожалован государем в прошлом году. Художник, шотландец Алэн, преподаватель рисования детям графини Потоцкой, нарисовал картину, представлявшую Газлама и Миру, переплывающих Кубань: лица были очень похожи и местность передана очень верно; картина имела большой успех. Его И.В., великий князь Михаил, купил ее и сделал с нее гравюру. Казаки, боготворившие Газлама, украсили этой гравюрой свою ставку. Мира вышла замуж за Султана-Али через несколько месяцев после смерти Газлама.

Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I

(Революция, Реставрация, Империя)

Людовик-Виктор-Леон граф де Рошешуар родился 14 сентября 1788 г. в семье полковника королевской французской армии. Семейство Рошешуаров принадлежало к числу знатнейших французских аристократических фамилий. Мать мемуариста входила в число приближенных королевы Марии-Антуанетты, в 1795 г. она приняла активное участие в неудачном заговоре с целью освобождения королевы, а после того, как заговор был раскрыт, вынуждена была бежать и в итоге вместе с братом автора Людовиком (Леонтием Петровичем) (1782–1814) переселилась в Россию. Людовик Рошешуар служил в Свите его императорского величества по квартирмейстерской части (на 1803 г. был поручиком). Сам мемуарист в возрасте двенадцати лет поступил на военную службу, участвовал в коалиционных войнах на стороне роялистов и в конце концов оказался в России. В 1806 г. был зачислен подпоручиком в русскую армию и стал адъютантом своего родственника, новороссийского генерал-губернатора герцога Ришелье, при котором состоял до его смерти в 1822 г. (за исключением небольшого промежуточного времени с конца 1812 по середину 1814 г., когда в качестве флигель-адъютанта состоял при Александре I, будучи свидетелем важнейших военных и политических событий — от переправы армии Наполеона через Березину до вступления русских войск в Париж).

В предисловии к своим запискам, датированном 1857 г. (то есть за год до смерти), мемуарист сообщает, что в основе их лежат отредактированные дневниковые записи, которые он начал вести с двенадцатилетнего возраста. Там же Рошешуар сообщает, что, рано осиротев, он нашел себе приют в доме герцога Ришелье, а в самом герцоге — покровителя и второго отца. Задачу своих мемуаров он видит в том, чтобы «познакомить свет с частной жизнью этого великого человека, его добротой, простотой, благотворительностью, правдивостью, неуклонным исполнением долга, любовью к отечеству». Мемуары Рошешуара охватывают период с конца XVIII в. до 1834 г., они были изданы в 1889 г. в Париже (Rochechouart L. V. L. De. Souvenirs sur la Revolution, l'Empire et la Restauration. Paris. 1889). Русский перевод мемуаров был опубликован под редакцией А. Гретмана в 1914 г. (М., Сфинкс). Текст воспроизводится в отрывках по этому изданию (с. 80–87, 119–122, 152–153).

Стр. 340. Речь идет о событиях русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Успешные действия армии Михельсона в начале войны навели Петербург на мысль попытаться войти в Проливы и овладеть с моря Константинополем. Морской министр П.В. Чичагов приказал

адмиралу Пустошкину выступить с эскадрой в апреле 1807 г. из Севастополя и следовать в сторону Константинополя. Однако командир Черноморского флота маркиз де Траверсе и дюк Ришелье, на которых была возложена подготовка экспедиции, донесли Чичагову о рискованности этого плана и что они «не осмелились отваживаться на удачу честь и славу России». В итоге поход на Константинополь не состоялся, а вместо него была предпринята экспедиция против Анапы (Ясский мирный договор 1791 г. подтверждал условия Кючук-Кайнарджийского мира, присоединение Крыма, Анапа же по-прежнему оставалась турецкой), так как ее падение облегчило бы действия Гудовича на Кубани. 27 апреля 1807 г. эскадра подошла к Анапе, и 29 апреля после обстрела и высадки десанта защитники крепости бежали. В город с целью грабежа вошли черкесы, находившиеся недалеко от города. Вслед за ними вошел и высадившийся русский десант (Петров А.Н. Война России с Турцией. 1806–1812. Т. I. 1806 и 1807. СПб., 1885. С. 335–336). Мемуары Рошешуара позволяют скорректировать версию событий, изложенную в работе Петрова. Он пишет, что одновременно с эскадрой к городу по суше подошел отряд Ришелье и встал в четырех верстах от него. После того, как турки покинули город, Пустошкин, по словам Рошешуара, вместо того, чтобы подать условный сигнал сухопутным войскам, высадил десант, «желая предоставить морякам славу окончательной победы». Однако казаки увидели, что турки покинули город; отряд Ришелье проник в него одновременно с русскими моряками «и даже обменялись с ними в дыму несколькими залпами» (Рошешуар Л.-В.-Л. Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Рестаuration, Империя). М., 1914. С. 76–77). На следующий день после занятия города эскадра ушла. «Сотня казаков и две роты пехоты выступили на разведки, чтобы разузнать о положении беглецов, исследовать ближние отроги длинной цепи гор, именуемой Кавказом, раздобыться дровами и свежим запасом провианта; не встретив никого, отряд возвращался нагруженный дровами, когда подвергся стремительному нападению полчищ черкесов, абхазцев или турок, вынесшихся верхами из леса, находившегося по правую руку от нас и еще не обысканного. С высоты укреплений мы свободно могли следить за ходом стычки. Герцог послал подкрепление с приказом отрезать путь врагу, если он не спохватится вовремя. Старый черкес из наших друзей, Пек-Мурза, называл нам своих соплеменников, наиболее выделявшихся богатством оружия, великолепием одежды или красотой лошадей, добавляя любопытные подробности об их семействах, знатности происхождения, не забывая о любовных похождениях или ратных подвигах против России и Персии. Через два часа наши отряды вернулись в город, не понеся потерь, кроме убитой под казакom лошади...» (там же, с. 78–79). Ришелье решил вскоре вернуться в Одессу, а генералу Гангеблову было приказано с отрядом совершить экспедицию из Анапы в глубь страны, «чтобы дать жестокий урок маленьким независи-

мым князьям, чьи воинственные нравы и обычаи напоминают наших [то есть французских. — *Б. М.*] феодалов тринадцатого и четырнадцатого века. Невзирая на мирные договоры, заключенные два года назад, без объявления войны, неожиданно напав на владения запорожских казаков, они угнали многочисленные стада, захватили несколько женщин с детьми и продали их в Кабарде» (там же, с. 79). Отряд состоял из трех полков пехоты, двух батальонов 22-го стрелкового полка, 500 казаков, батареи 8-дюймовых орудий, половины батареи горных гаубиц, всего 4 тыс. человек (там же, с. 80).

Ришелье, Арман Иммануил (Иммануил Осипович) (1766–1822) — герцог, граф Шинон; в России с 1790 г., участник штурма Измаила; с 1791 г. полковник русской службы (при этом французский подданный), с 1797 г. генерал-майор, с 1803 г. губернатор Одессы, а в 1805–1814 гг. генерал-губернатор Новороссийского края (Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии), в 1815 г. представлял Францию на Венском конгрессе, в 1815–1819 и в 1820 гг. первый министр Франции.

Гангелов (Гангелишвили) Семен Георгиевич (1757–1827) — с 1799 г. генерал-майор, шеф Егерского имени своего полка (с 1801 г. — 12-й егерский полк), в 1803 г. переведен с полком на Кубань, в 1804 г. в Крым, участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и войн 1812–1814 гг., с 1814 назначен состоять по армии, с 1818 г. в отставке; отец декабриста А.С. Гангелова.

Гезлам-Гхераи (1788–1811) — происходил из рода крымских ханов, в 1806 г. вместе со своей возлюбленной Мирой, дочерью одного из горских владетелей, бежал к казакам; с 1807 г. участвовал в экспедициях на стороне русских, в 1810 г. участвовал во взятии Сухум-кале и был награжден золотой саблей с надписью «за храбрость», полковник русской службы (с 1810) (там же, с. 143).

Стр. 345. Коблей — имеется в виду Кобле — генерал-майор (с 1799), комендант Одессы.

В эпизоде, начинающемся словами «постоянные набеги», речь идет о событиях 1809 г.

В частности, в мае 1809 г. партия черкесов в 5 тыс. человек, провавшись через Кубань, разрушила Новогеоргиевский редут (Петров А.Н. *Война России с Турцией*. Т. II. СПб. 1887. С. 532).

Мой брат — имеется в виду Людовик Рошешуар — см. прим. к стр. 381.

Стр. 346. Рондзевич — Рудзевич Александр Яковлевич (1775–1829) — с 1804 г. полковник, служил на Кавказе, с 1811 г. генерал-майор; позднее генерал от инфантерии (с 1826), участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов и русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Стр. 347. В эпизоде, начинающемся со слов «выступив из Суджук-кале», речь идет о событиях 1811 года. Русские войска совершили поход из Анапы на Суджук-кале, заняли без боя брошенную защитниками крепость и занялись укреплением оборонительных сооружений. «Однако, — пишет Рошешуар, — присутствия неприятеля нигде не было обнаружено ни разу: только два черкесских князя посетили Газлам-Бхераси и советовали нам совершить экспедицию в окрестностях, утверждая, что население приведено в уныние взятием Суджук-кале, отрезывавшим сообщение с Турцией и подвоз боевых припасов. Удалившись немного в сторону от дороги, — говорили они, — вы увидите аул сильного вождя, подготавливающего сейчас вместе с другими вождями набег на владение запорожских казаков». Герцог Ришелье без колебания принял их совет: ему не хотелось вернуться домой, не сделав ни одного выстрела, когда в его распоряжении были значительные силы».

Воспоминаний о действиях против горцев на кавказском театре в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. очень мало. Кроме отрывков из «Мемуаров» Рошешуара нам удалось обнаружить небольшой эпизод, посвященный этим сюжетам, в записках В.М. Жемчужникова о своем отце — М.Н. Жемчужникове. Записки принадлежат Владимиру Михайловичу Жемчужникову. Переданы в редакцию «Вестника Европы» его братом Львом Михайловичем (Записки В. М. Жемчужникова. (Из посмертных бумаг) // Вестник Европы. 1899. Т. 1. Кн. 2 (О Кавказе, с. 644–648)). В предисловии Л.М. Жемчужников пишет: записки начаты в 1850-х гг., до личных воспоминаний он [то есть В.М. Жемчужников. — *Б.М.*] не дошел. «Он более или менее подробно передает слышанное от своего отца, Михаила Николаевича, нередко записывает стенографически, с его слов, что и придаст особенную живость рассказу» (там же, с. 634).

М.Н. Жемчужников (1788–1865) окончил 1-й кадетский корпус, был некоторое время адъютантом Аракчесва, но навлек на себя его гнев, был лишен должности и отправлен на Кавказ, в 1810 г. участвовал там в боевых действиях. Позднее участвовал в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. и был взят в плен под Реймсом, в 1830 г. находился в Польше. Перейдя на гражданскую службу, он исполнял должность костромского гражданского губернатора (1832), с 1835 по 1841 был петербургским гражданским губернатором, с 1841 до 1865 сенатором. Много лет состоял первоприсутствующим 1-го департамента Сената, был членом попечительного совета заведений общественного призрения в Петербурге, попечителем Волковской раскольничьей богадельни и больницы св. Марии Магдалины.

Приводим эпизод, относящийся к Кавказу: «...Служа на Кавказе с 1809 г., отец мой вскоре отличился образованием *легкой казачьей артиллерии*. Образование этого войска было поручено ему одному без всяких помощников, и кончено им поразительно скоро — в один или два месяца.

Зная привязанность казаков к иррегулярной службе, что такое быстрое преобразование их не могло обойтись без крутых мер; они действительно были. Встретив сильное упорство в казаках и явную решимость не поддаваться новому учению, отец мой, по пылкости своего характера, не шадил ни их, ни себя. Случалось, что казаки, истомленные тягостным и немилосердно продолжительным учением в самые жары, падали замертво.

Наконец, было сформировано два орудия, и новая артиллерия уже принимала участие в одном деле. Успех первого участия в деле сильнее всяких принуждений подействовал на казаков, и они охотнее занялись нового рода службою.

Вскоре представился новый случай, показавший всю пользу от введения легкой конной артиллерии на Кавказе. Главнокомандующий Булгаков послал два отряда против горцев. Эти отряды в пылу преследования были завлечены в густой лес. Из которого не могли выбраться и в котором неминуемо погибли бы. Начальники отрядов (не помню их фамилий; один из них, кажется, назывался Багратион) обратились к отцу моему с просьбой о помощи. Осмотрев местность, отец мой видел, что ему трудно будет действовать в таком густом лесу, через который пролегал одна только узенькая тропинка, но он объявил, что пойдет с двумя орудиями, если прикажет Булгаков.

Булгакову не хотелось пускать свою юную артиллерию на авось, но, убежденный просьбами начальников отрядов и услышав от отца, что он надеется как-нибудь помочь им, он наконец решился.

Вступив в лес, отец мой не знал, куда ему идти, где действовать? Неизвестно было, где находились русские и где горцы? Те и другие рассеялись по всему лесу. Чтобы собрать наших и узнать положение дел, отец мой велел дать залп холостыми зарядами. За гулом залпов посылались радостные крики наших. Услыхав выстрелы своей артиллерии (у черкесов тогда еще не было пушек), они ободрились, стали кричать «ура!» и таким образом стали собираться на свои же голоса воедино. Положение дел прояснилось. Крики «ура» становились все чаще и сильнее. Было очевидно, что наши соединились, опять погнали неприятеля, который столько же сробел от неожиданного появления артиллерии, сколько наши ободрились. Чтобы поддержать удачное начало, отец мой велел пускать ядра через верхушки деревьев по тому направлению, куда удалялись крики, и сам стал двигаться вперед. Так он вышел на поляну, наполненную имуществом, скотом и семействами горцев, собранными здесь в надежде на безопасность. Солдаты, выведенные из леса, бросились на грабеж, оставив казачьи орудия без всякого прикрытия. Отцу моему можно было опасаться, чтобы горцы, заметив его слабость, не отважились на атаку, и потому он поспешил возвратиться той же дорогой, через лес. Но горцы уже заметили его слабость и вскоре стали показываться толпами на тропинке, спереди и с тыла. Это бы еще не беда: останавливаясь на минуту, отец мой обращал свои орудия в обе стороны и залпом картечью

рассеял сразу обе толпы. Предстояла другого рода опасность: горцы, естественно, должны были догадаться, что ни спереди, ни с тыла ничего не сделают, но что, нападая с боков и укрываясь за деревьями, они могут перестрелять хотя всю артиллерийскую прислугу. Для предупреждения этого отец мой послал просить, чтобы ему прислали несколько солдат, дабы оградить себя справа и слева. Но этих нескольких солдат не могли набрать, и артиллерия его гибла. Уже почти все лошади и почти вся прислуга были переранены. Отец мой сбросил бурку, остался в одном нижнем платье и сам стал действовать банником. Несколько раз пытался он спасти раненых, чтобы спасти хотя их, но они не хотели уйти: «Нет, ваше благородие, не оставим тебя, не уйдем!» — отвечали они и работали через силу. «Тогда, — говорит мой отец, — тогда только я понял, что это были за люди, и стал раскаиваться в своей жестокости с ними! — Я их мучил, морил, а они не хотят оставить меня в такую минуту, когда им предстоит верная смерть!»

Так продолжал он свой поход через лес, на каждом шагу останавливаясь для обороны, каждый шаг запечатлевая кровью и какой-нибудь потерей. Не слыша более выстрелов, но зная от возвратившихся солдат о затруднительном положении артиллерии, и Булгаков и все в войске считали ее погибшей и сожалели о ней. Особенно жалел Булгаков, который, понимая всю пользу казачьей артиллерии, кроме того, очень любил моего отца и теперь обвинял себя в его гибели, пеняя и на отрядных начальников, склонивших к посылке артиллерии.

Между тем, один из приятелей отца, кажется, Марков, успел собрать несколько солдат и с ними поспешил к нему в помощь. Помощь эта была как нельзя более кстати. Отец оградил себя пришедшими солдатами с боков, и они, отстреливаясь, дали ему возможность выбраться, наконец, из лесу. Он явился в виду войска в то самое время, когда все считали его погибшим, и Булгаков плакал о нем, пеняя на себя и других. Завидев отца моего, идущего впереди своих орудий в окровавленной рубашке, с банником в руке, Булгаков бросился к нему навстречу, обнял его и стал целовать, приговаривая: «Алкивиад ты мой! Алкивиад ты мой!»

Донося потом об этом деле начальству и приписывая большую часть успеха содействию артиллерии моего отца, Булгаков просил награды ему, как за это дело, так и за необыкновенно быстрое образование казачьей артиллерии. Награды розданы были всем, но отец не получил ничего: Аракчеев не забыл его и до сих еще пор был дурного о нем мнения. Изъясняя Булгакову, что заслуги, приписываемые им Жемчужникову, слишком значительны, необыкновенны и потому требуют особого исследования, Аракчеев прислал для такового исследования генерала Лазарева. Тотчас по приезде Лазарев велел отцу моему вывести артиллерию свою на смотр, — артиллерия выведена, отец мой отправился с рапортом к Лазареву, и они немедленно выехали.

Форма для казачьей артиллерии еще не была утверждена; именно, еще неизвестно было: останутся ли при казаках согласно желанию их и отца нашего шашки или же дадут им сабли? Чтобы на всякий случай обучить их сабельным приемам, но притом не иступить шашек, отец мой учил их делать эти приемы плетками. Так, например, по команде «Сабли вон!», они вынимали из-за пояса плетки и выставляли их вперед, как сабли. Разумеется такого рода приемы во время учения были вовсе неуместны на смотру; и потому, предвидя, что урядник скамандует, пожалуй, по недогадке «Сабли вон!», мой отец изъявил Лазареву желание лично представить свою артиллерию. «Не надо, — ответил Лазарев, — оставайтесь при мне». Делать нечего, он остался. Между тем опасения его сбылись: урядник, едва увидев их: «Сабли вон!» — и казаки выставили плетки пред глаза Лазарева. Лазарев, разумеется, никак не ожидал такой встречи, и начал кричать, сердиться и не захотел ничего более смотреть и усакал домой, объявив, что в тот же день поедет обратно в Петербург, где и донесет, как встречает Жемчужников присланных от Аракчеева генералов. Никакие объяснения, ходатайства и просьбы не имели силы; Лазарев готовился к отъезду.

Но тут опять на помощь отцу является обед: Лазарев любил и поест, и попить; его пригласили сделать и то, и другое, и он, нагрозившись порядком, согласился осмотреть казачью артиллерию. В этот раз отец мой командовал сам, удивил Лазарева быстротою и знанием своих артиллеристов и привел его в восторг: Лазарев расхвалил отца в Петербурге, и отец мой получил Владимирский крест 4-й степени с бантом за действие его в чеченском ущелье 25 мая 1810 г.

Но это обстоятельство все-таки не изменило мнения Аракчеева о нем, и Аракчеев хотел было помешать ему перейти корпусным офицером в 1-й кадетский корпус, говоря: «Жемчужников еще слишком молод, чтобы смотреть за другими; он еще сначала должен выучиться смотреть за собой»...».

Хуан Ван-Гален

Два года в России

Хуан Ван-Гален, граф Перакампос (1790–1864) родился в семье нидерландских аристократов, переселившихся в Испанию в XVIII в. В юности он участвовал в борьбе против наполеоновских войск. В 1808 г. попал в плен и присягнул новому королю Испании — Жозефу Бонапарту, и даже получил место в его свите, пополнив таким образом ряды «офранцуженных», которых было немало среди образованных слоев испанского общества. В 1813 г. Ван-Гален перешел на сторону противников французов и выдал важную информацию, благодаря которой был захвачен ряд крепостей. В 1814 г. испанский король Фердинанд VII отменил демократическую конституцию 1812 г., и за-

*Воспоминания участников
Кавказской войны XIX века*

Кавказская война: истоки и начало

1770–1820 годы

Книга «Кавказская война: истоки и начало» является вторым томом по времени издания, но первым по хронологии событий. Кавказская война имела глубокие корни, определялаеь множеством исторических обстоятельств, была связана с самого начала с геополитической ситуацией вокруг России. И в данном томе собраны свидетельства русских офицеров, воевавших на Кавказе в последней четверти XVIII — начале XIX века, когда еще только закладывался фундамент будущей многолетней кровавой драмы, с последствиями которой мы столкнулись сегодня. Когда еще была возможность выбора различных путей.

